

CASE AND CASE-PREPOSITIONAL FORMS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Tabachenko Liudmila Vladimirovna^{1*}

Professor of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: June, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

We can define the following development trends of the case and case-prepositional substantive forms in comparison to the Proto-Indo-European and Proto-Slavic forms. In the Proto-Indo-European period the semantics of the case endings with lots of meanings (dative, locative, ablative, etc.) became more and more blurred and required clarification through special means. This function was performed by the ancient adverbs that turned into prepositions and prefixes. In particular, non-prepositional adverbial forms were displaced by case-prepositional forms (*doumu goroda* → *doïmu do goroda* – *doiti goroda* → *dojti do goroda* (to reach the city)). They became free syntaxes striving to adverbs. The differentiation of the non-prepositional objective forms and case-prepositional adverbial forms and the semantization of syntactic relations between a verb and the form of a noun took place. The first direction of the prepositions' semantic development is the development of derived meanings on the basis of the spatial ones. The second direction is the desemantization of the prototypal prepositions and later the appearance of the semantically overloaded derived prepositions (*по причине, с целью, вследствие* и др.) – *po prichine, s tseliyu, vsledstvie* etc. (due to, in order to, owing to, etc.). The main factor that influences the development of the prepositions is the opposition of the non-prepositional and case-prepositional noun forms, and later the opposition of the desemantized and semantically specialised prepositions.

Keywords: The History of the Russian Language, Non-Prepositional Forms of Nouns, Prepositions' Origin, Case-Prepositional Forms, Desemantization of the Prototypal Prepositions.

1. E-mail: lvtabachenko@srfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X> * Corresponding author

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАДЕЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Табаченко Людмила Владимировна^{1*}

профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: июнь 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

Можно сформулировать следующие тенденции развития падежных и предложно-падежных субстантивных форм на фоне их праиндоевропейских и праславянских истоков. В праиндоевропейский период семантика перегруженных значениями падежных окончаний (дativa, локатива, аблатива и др.) становилась все более размытой и требовала прояснения специализированными средствами. Эту функцию стали выполнять древние адвербы, превратившиеся в предлоги (и приставки). В частности, беспредложные обстоятельственные формы вытесняются предложно-падежными (*дойти города* → *дойти до города*). Они получают статус свободных синтаксем, приближающихся к наречиям. Происходит дифференциация беспредложных объектных и предложно-падежных обстоятельственных синтаксем и семантизация синтаксических отношений между глаголом и формой имени существительного. I направление семантического развития предлогов – развитие вторичных значений на базе пространственных, II – десемантизация первообразных предлогов, позднее – появление семантически наполненных производных предлогов (*по причине, с целью, вследствие* и др.). Основным фактором, влияющим на историю предлогов, являются оппозиции беспредложных и предложно-падежных форм существительных, а позже – десемантизированных и семантически специализированных предлогов.

Ключевые слова: История Русского Языка, Беспредложные Формы Имен Существительных, Происхождение Предлогов, Предложно-Падежные Формы, Десемантизация Первообразных Предлогов.

1. E-mail: lvtabachenko@sfnu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X> * Ответственный автор

Введение

Изучение истории синтаксиса простого предложения в русском языке, в частности вытеснение беспредложных падежных форм предложно-падежными и семантическое развитие предлогов, всегда привлекали внимание историков русского языка (Якубинский 1953; Историческая грамматика... 1978; Бранднер 2013; и др.).

Цель статьи – исследование структурно-семантической эволюции предлогов и их роли на фоне общих тенденций развития простого предложения, ее *новизна* – в изучении оппозиций, в которые вступали предлоги в разные периоды своего исторического развития, а также исследование их роли в усилении семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени существительного и в дифференциации выражения объектов и обстоятельств в истории русского языка.

Основная часть

Экспансию предлогов в истории русского языка отмечают все лингвисты, обращающиеся к динамике предложно-падежного функционирования. Она характеризует не только историю русского языка XI–XVIII вв., вытеснение беспредложных форм предложными шло также на протяжении XIX в., этот процесс активно развивается и в современном русском языке наряду с другими направлениями перестройки системы предлогов: изменением предложного управления, заменой предлогов с общим значением отношения на более семантические и др. (см: Русский язык конца XX столетия... 1996. 240–242).

В процессе исследования тенденций эволюции предлогов лингвисты установили в качестве одной из закономерностей размывание лексического значения ряда предлогов, их определенную десемантизацию: «Все ярче обнаруживается внутреннее расслоение в семантической системе предлогов. В то время как одни простые предлоги: *для, до, перед, при, под, кроме, сквозь,*

через, между, а тем более предлоги наречного типа: *близ, среди, мимо* — почти целиком сохраняют свои реальные лексические значения, другие предлоги: *о, за, из, в, на*, отчасти *над, от, по, про, с, у* <...> ослабляют свои лексические значения, а иногда почти совсем теряют их» (Виноградов 1947. 700).

В ряде случаев «предлог становится как бы простой прокладкой между соединяемыми существительными, просто знаком синтаксического отношения, уподобляясь в этом падежу (ср. *обсуждение кандидатуры/по кандидатуре*)» (Русский язык конца XX столетия... 1996. 243).

Исследование истории русских глаголов позволяет сделать несколько уточнений. Предлоги с размытым значением обычно употребляются с объектными формами, ранее беспредложными. Например, в «в начале 19 в. глагол *надеяться* еще сочетался с родительным падежом без предлога: *надеяться успеха* ... Ср. у Кошанского в статье «О русском синтаксисе»: «*надеяться чего*...значит ожидание с сомнением, а *надеяться на что* — упование с уверенностью» (Виноградов 1947. 700).

Стоит подчеркнуть, что семантическое опустошение ряда предлогов происходит не только в современном русском языке. В русском языке XI–XVII вв. также наблюдалась десемантизация ряда предлогов вследствие их полифункциональности. Их диффузное, обобщенное значение заключалось в указании на синтаксическое отношение между глаголом и именем, значение, возникшее, вероятно, еще в дописьменную эпоху у ряда первообразных полифункциональных предлогов. Однако этой обобщенной семантике предшествовало яркое, конкретное значение у каждого первообразного предлога, доставшееся ему в наследство от адverbов, на базе которых возникли предлоги и приставки.

Обратимся к вопросу формирования предлогов на базе древних адвербов. В допредложный (праиндоевропейский) период конкретные падежные значения выражались окончаниями конкретных падежей (дativa, локатива, инструментalia, аблатива, генитива). Эти полифункциональные падежные формы все более перегружались значениями и в силу этого в большей или меньшей степени десемантизировались. Их размытая семантика требовала прояснения конкретных значений специализированными средствами – эту функцию начали выполнять древние адвербы, превратившиеся в предлоги (и приставки). Эти застывшие формы имени, ставшие наречиями (адвербами), находились между глаголом и именем, соотносясь одновременно и с тем, и с другим. Они были сначала относительно самостоятельными и лишь затем превратились «в служебные грамматические реляционные элементы» (Гамкрелидзе, Иванов 1984. 358). В процессе перестройки праиндоевропейского предложения из структуры OpV в VpO реляционный элемент р превращается из послелога в предлог «в отношении именной компоненты синтагмы» (Там же. 356).

Так на базе этих реляционных элементов, а также частиц и местоимений появились предлоги и приставки (о происхождении предлогов и приставок подробнее см.: (Гамкрелидзе, Иванов 1984. 355–358)). Именно потребность древних полисемантических падежей к прояснению превратила самостоятельные адвербы в предлоги, приспособив лексическое значение адвербов к более ясному выражению падежных значений. Так возникла оппозиция «беспредложные падежные формы – предложные падежные формы» (подробней об этой оппозиции см: (Гаспаров 1965)).

Обратимся к одному из наиболее ярких явлений в историческом синтаксисе русского языка – вытеснению предложно-падежными формами с первообразными предлогами беспредложных форм в обстоятельственных значениях. Историками русского языка исследовано вытеснение

беспредложных форм родительного, дательного, винительного, местного падежей формами с предлогами *до, от, к, в* (типа *дойти города – до города, отйти города – от города, внити Чернигов – в Чернигов, ити Киеву – к Киеву; сѣ дѣ ти Новѣ городѣ – в Новѣ городѣ*) (Якубинский 1953; Историческая грамматика... 1978; и др.) Следует добавить, что беспредложные падежные формы широко употреблялись в конструкциях с приставочными позиционными глаголами типа *обстояти городѣ – стоять вокруг города; прѣ дстояти, пристояти прѣ столу – стоять перед престолом, у престола* (подробнее см.: (Табаченко 2010)).

Этот процесс вытеснения беспредложных форм предложными при глаголах движения и положения в пространстве (позиционными) следует, на наш взгляд, рассматривать не только в рамках общего направления экспансии предлогов как более яркого и более специализированного синтаксического средства, но и как проявление двух внутренних синтаксических тенденций: семантизации синтаксических отношений между формами имени существительного и глаголом и дифференциации объектных и обстоятельственных форм.

Падежные формы без предлогов в конструкциях с глаголами не обладали структурно-семантической самостоятельностью: беспредложные формы *города, городѣ, городу* без глагола не передавали значения обстоятельства места действия, их семантика прояснялась только в сочетании с глаголом. Появление предлога обеспечило им большую семантико-синтаксическую автономию, их значение становилось понятным и вне глагольной конструкции. Такие синтаксические формы (синтаксемы) относят к типу свободных (см. классификацию синтаксем в: (Золотова 1973. 80)), их сочетание с глаголом мотивировано семантикой, а не особенностями управления глагола. Г.А. Золотова указывала, что тенденция семантизации синтаксических отношений действует в современном русском языке (Там же.

115), мы предполагаем, что эта тенденция проявлялась и в истории русского языка при замене беспредложных обстоятельственных форм предложными.

Следует обратить внимание и на дифференциацию обстоятельственных и объектных форм. Беспредложные формы продолжали употребляться в абстрактно-объектных значениях и при глаголах движения, и при позиционных глаголах. Они, как правило, передают объектные отношения, а обстоятельства выражаются наречиями и свободными предложно-падежными синтаксемами.

При глаголах «достигательного» движения беспредложная форма родительного падежа сохраняется при употреблении этих конструкций в переносных значениях, с включением абстрактных существительных, в связи с чем данные глаголы теряли значение физического передвижения в пространстве, а форма имени – обстоятельственное значение, что отражается в памятниках письменности древнерусского периода: *доити правды, добра, царства небеснаго, Христовых таин, конца книгам, утренняго дъне, възраста, старости, добродѣ тели, безаконья; допровадити дънев* (СлДРЯ, т. 3. 35–37; 58).

В сочетаемости отдельных глаголов «достижения» также проявляется эта дифференциация: они управляют формой родительного беспредложного только тогда, когда она употребляется в объектном значении, а сами глаголы теряют семантику конкретного движения, например, при метонимическом развитии переносных значений у глаголов с приставкой *до-*: ‘настигнуть’ – *доѣ хати (татей или разбойниковъ; татаръ измѣ нниковъ)* (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4. 285); ‘добывать/добыть’: *Поѣ халъ недруга своего головы доѣ жжати съ войскомъ*. Посольство Тюфякина, 436. 1597 г. (Там же. 284); (1150): *Князь велики же Изяславъ Мстиславичъ достигивъ княженя киевскаго возрадосая зѣ ло со всѣ ми бояры своими*. Ник. лет. IX. 183 (Там же. 341).

Позднее все глаголы конкретного передвижения с приставкой *до-* (*доити, доходити, доѣ хати, доѣ зжати, достигити, дотечи* и др.) в переносных значениях, в которых они сочетались с объектной формой родительного падежа без предлога, вытеснились глаголами *достигать* и *добывать*. Примечательно, что *достигать* ранее тоже относился к лексико-семантической группе движения, однако позднее этот глагол, внутренняя форма которого явно на идею движения не указывала (в отличие, например, от глагола *доходити*), стал специализироваться на выражении «общедостигательного» значения: *достичь цели, чинов, благополучия; города, поселка, своего дома*. Поскольку при этом глаголе, обозначающем общую идею «достижения», зависимая форма имени имеет значение не обстоятельства места, а объекта, *достигать* является единственным бывшим глаголом «достигательного» движения, сохранившим управление родительным беспредложным падежом.

Глаголы удаления с приставкой *отъ-* (а также глагол *бежать*) также сочетались с родительным беспредложным в переносных значениях ‘избегать’, ‘отказываться’, ‘покинуть’, ‘лишиться’. В этих конструкциях беспредложная форма имела объектное значение:

‘избегать’, ‘отказываться’: *Ложныхъ и неправедныхъ словесъ велю вам отбѣ гати*. Шк. Благодичиние, 93. XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 13. 181); *...тѣ мь правомъ отбѣ госта ярости*. Пч., 189. XIV–XV вв. ~ XIII в. (Там же. 183); *Отъязати ся подобаетъ пиянства...* Изб. Св. 1076 г., 300. (Там же, вып. 14. 55);

‘покинуть’, ‘лишиться’: (1107): *Отбѣ гоша же товара своего, еже взяша русскии вои*. Лавр. лет., 282. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 13. 182); *Хотят мя распяти и того ради отрещися им ц<a>р<ь>ствия б<o>жия*. (Сказ. о созд. св. Соф.) Свед. и зам. II, 346. XV–XVII вв. (Там

же. 212); ...*да не отпадеши б<о>жия лубъве и ц<а>р<ь>ства*. Изб.

Св. 1076 г., 206. (Там же. 295).

Также форма родительного беспредложного падежа абстрактных существительных употреблялась при глаголах движения с приставкой *от-* в значениях 'оставлять', 'предать' и др.

Таким образом, в памятниках письменности древнерусского языка примеры использования родительного беспредложного падежа в значениях начального и конечного пунктов движения были единичными, остаточными, сохранившимися с той эпохи, когда в обстоятельственных значениях при глаголах движения могли употребляться беспредложные формы. Однако беспредложные формы аблатива с диффузным значением прояснили, уточнили свою семантику с помощью предлогов *до* и *от*, поэтому предложные формы в конкретных значениях вытеснили беспредложные. Однако употребление беспредложных форм при глаголах, утративших конкретное значение движения в конструкциях с переносным значением, продолжалось до XVII–XVIII вв., беспредложные формы сохранились и в современном русском языке при некоторых группах глаголов (страха, стыда, лишения, с одной стороны, и «общедостигаемых» – с другой). Это свидетельствует о том, что беспредложные падежные формы продолжают употребляться в значении абстрактного объекта избегания, лишения или достижения, в то время как в обстоятельственных значениях при глаголах конкретного движения используются предложно-падежные формы, то есть в этом случае наблюдается определенная дифференциация объектных и обстоятельственных форм.

Подчеркнем, что объектные значения (достижения или избегания) выражаются беспредложной формой, зависимой от глагола, проявляющей свою семантику только в глагольной конструкции, в отличие от предложно-падежных свободных форм. Появление предлога в формах с

обстоятельным значением привело к их большей структурной и семантической самостоятельности и к семантизации синтаксических отношений между формами имени и глаголом.

Обратимся к следующему направлению развития предлогов – к темусловиям, которые способствовали «выветриванию» первоначально яркого, конкретного значения ряда первообразных предлогов. Основная причина была та же, что и при десемантизации падежных форм, – полифункциональность, перегруженность значениями. Расширение классов глаголов и существительных в конструкциях, в которых употреблялись первообразные предлоги, употребление и глагола, и существительного в абстрактных значениях переносят и предлог в сферу абстрактного, лишая его первоначальной пространственной семантики, превращая в знак отношения между глаголом и именем существительным, что позволяет ему наполняться новой, контекстуальной семантикой. Это приводило к семантической диффузности и определенной десемантизации первоначально яркого грамматического средства – первообразных предлогов.

Это касается, прежде всего, предлогов *в*, *на*, *о*, *по* и др. Остановимся на первых двух, функционирование которых в памятниках письменности XI–XVII вв. демонстрирует достаточно широкий семантический спектр, в частности у этих предлогов исторические словари отмечают значения причины и отделительности.

Значения причины: предлог *в*: *въ мнозѣ браш(ь)нѣ бывааетъ недоугъ и лакомьствѣмъ мнози оумьроша*. Изб. Св. 1076 г., 626. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2. 8); *А намъ с прежними датцкими короли николи спору въ тѣ хъ земляхъ не бывало*. Англ. д., 10. 1582 г. (Там же); *И оттого мы, крестьяне, въ ихъ насилствѣ оскудали*. АЮБ III, 332. 1676 г. (Там же);

предлог *на*: *Фасаилъ же, много поносивъ Pokora на жестосердие и на лукавство и на лихоимание, от того умре.* Флавий. Полон. Иерус. I, 40. XV в. ~ XI в. (Там же, вып. 10. 13). Причинные значения предлога *въ* и *на* см. также (СлДРЯ, т. 1. 501, 503); у предлога *на* (СлДРЯ, т. 5. 125).

Отделительное значение предлога *на* при указании на лицо, с которого что-л. принимается: *(1167): Дружину его [Шварна] избиха и взяша на немъ искупа множество.* Ипат. лет., 527 (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10. 15); см. также (СлДРЯ, т. 5. 125–126).

Однако, на наш взгляд, и причинное, и отделительное значения этих предлогов реализуются в рамках более общего значения – ‘в отношении’. Особенно явно это становится при анализе функционирования предлогов *в* и *на* в языке деловых памятников письменности XV–XVII вв., где застывшие юридические штампы сохраняли эту диффузную семантику предлогов.

1. Значения *причины, основания действия* у них часто выделяют в следующих конструкциях:

1.1. Ситуация купли-продажи: *брать, взять, дать* на чем-то определенную сумму денег: *Купилъ Оандрѣ й Ивановъ сынъ Пустошкинъ Власка... ноугородца себѣ и своимъ дѣ темъ въ полницу; далъ на немъ полчетверта рубли московскую.* А. креп. новг., 34. 1526 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22. 229); *И шедъ же на торгъ приступи къ сребропродавцю и реч<e> ему: хоцещи ли купити камокъ сии; и реч<e>: что хоцещи взяти на немъ.* Пролог (БАН2), 10. XIV в. в. (Там же, вып. 2. 168). Параллельно в этом значении использовалась и специализированная форма *за + вин. п.*: *Взято на крестьянѣ хъ за соль сто восмдесятъ девять рублевъ.* Кн. прих. Болд. м., 193, до 1607 г. (Там же, вып. 5. 128).

1.2. Ситуация судебного разбирательства. В конструкциях, обозначающих причину, основание судебных действий, выступали формы как конкретных,

так и абстрактных имен существительных в местном падеже с предлогом *в* со следующими глаголами и выражениями: *взять, давать суд, допрашивать, запирается, обвинять, оправить, отвечать, привести на двор, сидеть в разбойном приказе, слать в обыск, стоять на правеже, судить в чем-либо* и др.: *Воеводы н<a>ши пермские и приказные люди архимарита з братьею и ихъ м<o>н<a>ст<ы>рьских людей и крестьянъ не судятъ ни в чем.* А. Пыскор. м., 85–85 об. 1627 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 28. 259); *...И в том во всемъ дать свои свителскои суд гсдрь смилуся.* (Пам. Влад. 197); *И мы в том дѣ ле... не ходя в суд промеж себя в том сыскалися ... и в том мы с ними с посадики людми промеж себя сыскався помирилися.* (Там же. 242).

Позднее в этих конструкциях предлог *в* был заменен предлогом *за*, ставшим специализированным средством выражения основания действия. В современном русском языке предлог *в* сохранился в конструкциях с глаголами *винить, обвинять*, обычно в сочетании с абстрактными существительными: *обвинять в растрате, подлогах, краже; в лицемерии, равнодушии*. И в этих сочетаниях просматривается его общее значение ‘в отношении’.

1.3. Ситуация благодарности. Значение основания действия выявляется также в сочетаниях с выражением *бить челом на чем-либо* (в значении ‘благодарить за что-либо’): *... челом гсдрь бью на твоём млстивом жалованье что ты об моем дѣ ле жаловал писал к батюшку своему...* (Пам. Влад. 255). В этой же конструкции в значении основания действия параллельно употреблялась и форма *за + вин. п.*: *...челом бью братаецъ за твою млсть что ты жалуешь своєю млстию ко мнѣ писанием...* (Там же. 250). В современном русском языке в качестве устаревших и разговорных сохранились выражения, в которых предлог *на* в рамках общего значения ‘в отношении’ участвует в обозначении основания какого-л. действия: *спасибо на добром слове; не обессудьте на подарке; простите на глупом слове.* (МАС, т. 2. 323).

2. *Отделительное значение.* В ряде конструкций, передающих ситуацию судебного разбирательства или купли-продажи, предлог *на* употреблялся при обозначении лица, с которого что-л. взыскивается, при глаголах *брать, взять, искать (взыскивать, сыскивать)* 'взыскивать что-либо с кого-либо судом', *донять, доправить, имать, править* и др. на ком-то что-то: *А хто приедет незван на пирь... а учинится какова гибел(ь), и яз ту гибел(ь) на томъ велѣ ль взяти, бе-суда и без-ысправы.* АСВР I, 192. 1462 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2. 168); *Кому будетъ чего на архимаритѣ и на братѣ , и на слугахъ, и на крестьянехъ того монастыря искати, и язъ... самъ сужу, или мой дворецкой.* АЮБ I, 136. 1602 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6. 254).

Возможно, эта предложно-падежная форма использовалась в отделительных конструкциях еще и потому, что метафорически обозначала наличие у кого-то (на ком-то) юридических и финансовых обязательств

Предлог *на* в этой функции – обозначение лица, с которого что-л. взыскивается, употреблялся вплоть до XVIII в. параллельно с формой *с + род. п.*, имеющей отделительное значение: *Аще ли кто хошет на мнѣ искати, да ищет.* Апофегм. 139 (СлРЯ XVIII в., вып. 9. 115); [Кривосудов]: *Онѣе <ассигнаци> искать с Богдана Прямикова.* Капн. Яб. 103. (Там же).

Как возможная в современном русском языке форма *на + предл. п.* при глаголе *искать* отмечается в (МАС, т. 1. 677) наряду с формой *с + род. п.*: *Товар был поставлен, а контроль дороги признать требование в полной сумме отказался. Мешков долго искал с дороги убытки, но безуспешно.* Федин, Первые радости. (Там же). Более употребительна в современном русском языке эта форма при глаголе *взыскать – взыскать с кого-л.*

Таким образом, общее значение 'в отношении' форм *на + местн. п., в + местн. п.* могло конкретизироваться в основание судебного разбирательства, иска, ситуации купли-продажи, благодарности, а также в значение лица или административной единицы, с которой что-л. взыскивается в зависимости от

значений глаголов и всей ситуации в целом. Поэтому их можно назвать «псевдозначениями» в рамках общей семантики ‘в отношении’.

Дальнейшее вытеснение в этих конструкциях связанных форм с десемантизированным предлогом семантически свободными формами со специализированными предлогами (*за + вин. п., с + род. п., у + род. п.*) также свидетельствует об активной позиции свободных синтаксисом и о тенденции к семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени-существительного. В обстоятельственных конструкциях обнаруживается тяготение к употреблению форм семантически самостоятельных, а не реализующих свое значение только в сочетании с определенными глаголами.

Лингвисты обращают внимание на то, что за последние два столетия в целом усилилась экспансия предлогов, в частности происходит дальнейшее вытеснение беспредложных форм предложными. Но отметим, что это относится в основном к замене падежного управления предложным (у существительных и глаголов) в конструкциях с объектными значениями. Например, продолжается вытеснение винительного беспредложного падежа не только в обстоятельственных значениях (что происходило в истории русского языка), но и в объектных, для актуализации какого-л. еще значения, кроме значения прямого объекта: *школа дураков / для дураков* (предназначение); *итог полугодия / за полугодие* (срок); *курс реформ / курс на реформы* (цели) (примеры из (Русский язык конца XX столетия... 1996. 240)).

Отмечается два направления в этом процессе: 1) «нужное значение с помощью предлогов выражается более дифференцировано, чем посредством падежа. Ср., например, словосочетания *операция почки* и *операция на почке*. В первом случае речь может идти и о полном удалении почки, и о каких-то манипуляциях внутри нее или на ее поверхности, во втором случае – только о последнем» (Там же. 243); 2) «обобщение функции предлога, нивелировка его

лексического значения» (Там же) (экспансия предлогов *по, о* – *голосование по кандидатуре, утверждать о том*).

Следует подчеркнуть, что последний процесс можно рассматривать как еще одно следствие десемантизации первообразных предлогов. С одной стороны, десемантизированные предлоги в глагольных конструкциях с потенциальными значениями отделительности, причины, основания действия позднее были вытеснены свободными синтаксемами со специализированными первообразными или производными предлогами.

С другой стороны, процесс полной десемантизации ряда предлогов привел к тому, что сам феномен такого предлога стал осознаваться как материально выраженный знак грамматического отношения (подчинения) и позднее (начиная с XVIII в., потом в XIX и XX вв.) предложные конструкции стали вытеснять беспредложные, однако, в отличие от древнерусского периода, вытеснение шло в кругу уже объектных форм или в именных словосочетаниях (ср. *анализ влажности – анализ на влажность; итог полугодия – итог за полугодие; наблюдение речи детей – над речью детей; обсуждение кандидатуры – по кандидатуре* и др.) (примеры из (Там же. 240–241)).

Отметим еще одно из основных направлений семантического развития предложно-падежных форм – появление вторичных значений на базе пространственных. В семантике предлога на основе пространственного значения происходит отвлечение общей идеи – отделительности, инструментальности, расположения внутри, на поверхности и т.д. и метафорическое развитие временных, каузальных, целевых и т.д. значений. Механизм семантической трансформации предложно-падежных форм заключается во взаимодействии общей идеи предлога с категориальным значением определенных лексико-семантических групп существительных, в результате чего формируются синтаксемы с непространственными значениями, например, *в* (внутреннее пространство) – темпоратив (*в мае*),

ситуатив (*в тумане*) и др.; *от* (отделительность) – темпоратив (*от восхода*), каузатив (*от скуки*) и др.

Эти предложно-падежные формы на базе вторичных значений предлогов также обладают статусом свободных синтаксических форм, значение которых ясно и вне глагольной конструкции.

Важную роль в семантизации синтаксических отношений сыграло также появление новых производных предлогов, обладающих яркой семантикой, которые стали вытеснять первообразные предлоги для придания синтаксическим формам большей семантической наполненности и самостоятельности.

При дальнейшей десемантизации ряда первообразных предлогов возникает потребность в более четком и определенном выражении отношений между словами в словосочетании, в результате чего появляются производные предлоги (*по причине, с целью, вследствие, в течение, во время* и др.), сохраняющие семантические связи с полнозначной лексикой (подробнее о системе и происхождении производных предлогов см. (Черкасова 1967)). Они оказываются противопоставленными одному или нескольким первообразным предлогам. Такие семантически наполненные производные, а также специализированные первообразные предлоги (с суженным кругом сочетаемости) все более теснят первообразные десемантизированные предлоги, теряющие последние следы прежней семантической самостоятельности, тем более что состав производных предлогов, вводящих более семантически обобщенные и структурно более самостоятельные компоненты предложения, постоянно пополняется.

Заключение

На основе проанализированного материала в свете праиндоевропейских и праславянских истоков можно выделить следующие тенденции развития

падежных и предложно-падежных форм, выражающиеся в усилении их роли в оформлении второстепенных членов предложения в истории русского языка.

Предлоги, появившиеся еще в праиндоевропейский период, взяли на себя функции семантического прояснения десемантизированных из-за полифункциональности беспредложных именных форм. Предложно-падежные формы вытесняют беспредложные в обстоятельственных значениях. Они становятся структурно и семантически самостоятельными свободными синтаксемами, что приводит к семантизации отношений между ними и глаголом. За беспредложными формами остается выражение абстрактно-объектных значений. Так происходит дифференциация беспредложных объектных и предложно-падежных синтаксем с обстоятельственными значениями. На базе пространственных значений предлогов в процессе метафоризации развились темпоративы, каузативы, ситуативы и др. при взаимодействии общей идеи предлога с категориальным значением определенных лексико-семантических групп существительных.

В результате перегруженности значениями, полифункциональности ряда первообразных предлогов происходит их десемантизация, которая становится толчком к появлению семантически наполненных производных предлогов, что тоже усиливает семантизацию синтаксических отношений между формой имени и глаголом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- Бранднер А. (2013). *Ослабление адвербиальных значений беспредложных падежных форм в древнерусском языке*, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2), 43–46.
- 2- Виноградов В. В. (1947). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М. : Учпедгиз.
- 3- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та. Ч. 1.

- 4- Гаспаров Б. М. (1965). *Структурно-семантические особенности предлогов в древнерусском языке* [Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина]. Москва : Россия.
- 5- Золотова Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. М. : Наука.
- 6- *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение* (1978). М. : Наука
- 7- *Русский язык конца XX столетия (1984–1995)*. (1996). М. : Школа «Языки русской культуры».
- 8- Табаченко Л. В. (2010). *Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка*, Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 1, 7–31.
- 9- Черкасова Е. Т. (1967). *Переход полнозначных слов в предлоги*. М. : Наука.
- 10- Якубинский Л. П. (1953). *История древнерусского языка*. М. : Учпедгиз.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край (1984). М. : Наука. – Пам. Влад.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). (1988–2019). Т. 1–12. М. : Русский язык. – СлДРЯ.

Словарь русского языка в четырех томах. (1981–1984). Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. второе, исправленное и дополненное. М. : Русский язык. – МАС.

Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975–2015). Вып. 1–30. М. : Наука. – СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XVIII в. (1984–2019). Вып. 1–22. СПб. (Л.) : Наука. – СлРЯ XVIII в.

Bibliography

- 1- Brandner A. (2013). *Oslablenie adverbial'nyh znachenij bespredlozhnyh padezhnyh form v drevnerusskom jazyke*, Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 6 (2), 43–46.
- 2- Vinogradov V. V. (1947). *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. М. : Учпедгиз.
- 3- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vjach. Vs. (1984). *Indoevropskij jazyk i indoevropеjcy*. Tbilisi : Izd-vo Tbilissk. un-ta. Vol. 1.

- 4- Gasparov B. M. (1965). *Strukturno-semanticheskie osobennosti predlogov v drevnerusskom jazyke* [Dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.01. Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina]. Moskva :Rossija.
- 5- Zolotova G. A. (1973). *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka*. M. : Nauka.
- 6- *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Sintaksis. Prostoje predlozhenie* (1978). M.: Nauka
- 7- *Russkij jazyk konca XX stoletija (1984–1995)* (1996). M. : Shkola «Jazyki russoj kul'tury».
- 8- Tabachenko L. V. (2010). *Pristavochnye pozicionnye glagoly v istorii russkogo jazyka*, Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. № 1, 7–31.
- 9- Cherkasova E. T. (1967). *Perehod polnoznachnyh slov v predlogi*. M. : Nauka.
- 10- Jakubinskij L. P. (1953). *Istorija drevnerusskogo jazyka*. M. : Uchpedgiz.

SLOVARI i prinjatye sokrashhenija

Pamjatniki delovoj pis'mennosti XVII veka. Vladimirskij kraj (1984). M. : Nauka. – Pam. Vlad.

Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) (1988–2019). T. 1–12. M. : Russkij jazyk. – SIDRJa.

Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah (1981–1984). Pod red. A. P. Evgen'evoj. Izd. vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Russkij jazyk. – MAS.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. (1975–2015). Vyp. 1–30. M. : Nauka. – SIRJa XI–XVII vv.

Slovar' russkogo jazyka XVIII v. (1984–2019). Vyp. 1–22. SPb. (L.) : Nauka. – SIRJa XVIII v.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Tabachenko Liudmila V. (2023). CASE AND CASE-PREPOSITIONAL FORMS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE. *Issledovatel'skij Zhurnal Russkogo Jazyka I Literatury*, 11(2), 87-106.

DOI: 10.52547/iarll.22.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/292>

رویکرد توسعه اشکال پادژی و پادژی- حرف اضافه‌ای در تاریخ زبان روسی

لودمیلا ولادیمیرونا تاباچنکا^{*۱}

استاد دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،
راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

می‌توان رویکردهای مشخصی در توسعه اشکال پادژی و پادژی- حرف اضافه‌ای اشکال اسمی در چارچوب پیشینه‌های فراهندواروپایی و فرااسلاوی آنها مشخص کرد. در دوره فراهندواروپایی، معنانشناسی پایانه‌های صرفی پادژها که سرشار از معانی مختلف بودند (اعطایی، مکانی، ابطالی و غیره) تیره و تار شده و نیاز به شفاف‌سازی با ابزار ویژه دارد. در ابتدا قیده‌های قدیمی زبان روسی که بعدها به حروف اضافه (و پیشوند) تبدیل شدند، این کارکرد را بر عهده گرفتند. به‌طور ویژه اشکال قیدی بدون حرف اضافه با اشکال پادژی- حرف اضافه‌ای کنار زده شدند (*дойти города* → *дойти до города*). آنها به واحدهای اسمی نحوی آزادی تبدیل شدند که قرابتی با قیود داشتند. رفته‌رفته فرایند جدایی واحدهای نحوی قیدی حرف اضافه‌ای و مفعولی بدون حرف اضافه و معنادار شدن رابطه بین فعل و حالت اسم اتفاق افتاد. جهت‌گیری نخست گسترش معنایی حروف اضافه، گسترش معنای ثانویه بر اساس حروف اضافه مکانی بود. جهت‌گیری دوم، بی‌معنا شدن حروف اضافه ساده و در نهایت، پیدایش حروف اضافه مرکب کامل (*по причине, с целью, вследствие*) بود. عامل اصلی تأثیرگذار بر تاریخ حروف اضافه، تقابل اشکال با حروف اضافه و بدون حروف اضافه و در مرحله بعدی تقابل حذف معنای حروف اضافه و دارای معنای تخصصی بود.

واژگان کلیدی: تاریخ زبان روسی، اشکال بدون حرف اضافه اسامی، پیدایش حروف اضافه، اشکال پادژی با حرف اضافه، حذف معنایی حروف اضافه ساده.

1. E-mail: lvtabachenko@srfedu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7691-056X>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی